

★ ГРАНИ НАШЕЙ СВОБОДЫ ★

Книга 1.

Письма на другом берегу

УЛЬЯНА ВОРОНИНА

«Между нами 8000 километров, но я слышу твой шёпот.»

Ульяна Воронина

Письма на другом берегу

<https://litres.ru/74400289>

SelfPub; 2026

Аннотация

Эта история — не просто роман о любви на расстоянии. Это манифест поколения, запертого в «золотых клетках» чужих ожиданий, соцсетей и строгого контроля. История о том, как однажды наступает момент, когда страх остаться неживым становится сильнее страха потерять всё.

«Грани нашей свободы» — это путь от холодных пикселей экрана к запаху мокрого асфальта, от удушающей роскоши Манхэттена к ветреным крышам Питера. И если прямо сейчас вы почувствуете себя запертыми, я надеюсь, эта книга напомнит вам о главном:

Самый опасный шаг — это шаг к собственной свободе. Но только он делает нас по-настоящему живыми.

Содержание

Глава 1	5
Конец ознакомительного фрагмента.	11

Ульяна Воронина

Письма на другом берегу

Глава 1

Пиксельное солнце

7:00 утра в Нью-Йорке — это час, когда мегаполис только начинает натягивать на свое небритое лицо суконную маску бодрости. Ева сидит на широком каррарском мраморе подоконника пентхауса, поджав босые ноги. Под ней — двадцать восемь этажей пустоты и головокружительная пропасть Парк-авеню. Она смотрит не на просыпающийся Манхэттен, где желтые короны такси уже начинают свой хаотичный танец, а в слепящий прямоугольник экрана своего телефона. За панорамным стеклом медленно разливается холодное золото рассвета, преломляясь в стеклянных фасадах соседних башен-близнецов, но для нее утро давно утратило цвет, превратившись в стерильный белый свет потолочных светодиодов.

На другом конце оптоволоконного кабеля планеты ровно 15:00. Время здесь имеет плотность воды. В Санкт-Петербурге Никита только что проснулся в своей комнате-пенале бывшей коммуналки с высоченными лепными потолками на Петроградке.

— Доброе пиксельное солнце, — хрипло говорит он в микрофон, зарываясь лицом в выцветшую фланель подушки, которая пахнет его собственными снами и чужим нафталином из общего коридора. Его голос звучит так близко, словно он шепчет ей на ухо, преодолевая лишь ширину одеяла, а не тысячи километров соленой атлантической взвеси.

Они нажимают на зеленую иконку вызова. Мир раскалывается надвое по диагонали тонкого черного шва цифровой бесконечности.

Слева — мир Евы. Роскошный аквариум, залитый искусственным светом музейного качества. Стерильная белизна итальянского керамогранита *Marmol Carrara*, острые углы дизайнерской мебели из венге и гулкая, звенящая тишина, которую нарушает лишь едва слышное дыхание системы климат-контроля, прогоняющей воздух через угольные фильтры. На экране виден край ее кружки — тончайший фарфор *Bernardaud*, расписанный вручную платиновой нитью. Кофе внутри стоит нетронутым; она варит его в дорогой гейзерной кофеварке *Bialetti* исключительно ради звука шипения пара и горьковатого аромата редкой эфиопской арабики, который заполняет вакуум квартиры объемом в пятьсот квадратных метров. Это пространство построено как идеальная декорация для архитектурного журнала, где каждый предмет кричит о статусе владельца, но абсолютно лишен тепла чужих прикосновений. Холод здесь исходит не от работающего кондиционера, а от отсутствия истории у вещей. Здесь никто никогда не проливал чай на ковер и не царапал паркет детским велосипедом.

Справа — мир Никиты. Бедный, обшарпанный, пульсирующий жизнью старый фонд. Камера дрожит в его руке, захватывая кусок потолка с гипсовой розеткой, густо покрытой сетью трещин, похожих на высохшие реки Амазонки, ры-

жую чугунную батарею-гармошку и стену, оклеенную пожелтевшими плакатами андеграундных групп девяностых, припиленными канцелярскими кнопками прямо поверх старых обоев. Воздух плотный, осязаемый, пахнет вековой кирпичной кладкой, библиотечной пылью и чем-то неуловимо съедобным — кажется, соседи за тонкой фанерной перегородкой опять жарят картошку с луком на дешевом нерафинированном масле. Его чашка — тяжелая, щербатая фаянсовая посуда с золотым ободком, сточенным до самой бурой керамики бесчисленными губами нескольких поколений жильцов, наследие советских сервантов. Он пьет свой растворимый «Жокей» из граненого стакана в дешевом мельхиоровом подстаканнике с потертым профилем Кремля, и этот вкус дешевой химической горечи кажется ему сейчас самым честным напитком на земле. Здесь каждая трещина хранит память о затопивших квартиру сорок лет назад соседях сверху, а теснота комнат физически давит на плечи даже через экран, создавая иллюзию защищенного материнского кокона.

Они пьют кофе «вместе». Ежедневная литургия двух изгнанников времени.

Ева ставит свою драгоценную чашку на стекло. Экран фиксирует отражение ее лица — уставшее, безупречное полотно с идеальным контурингом, подсвеченное снизу мертвенно-синим сиянием уведомлений. Она чувствует ледяной сквозняк манхэттенского утра даже сквозь кашемир дорого-

го худи. Ей хочется открыть окно настежь, впустить настоящий уличный шум, запах горячего асфальта и брецелей, но протоколы безопасности здания блокируют створки после двадцать пятого этажа. Ее свобода заканчивается там, где начинается страх падения акций компании-застройщика.

Никита делает шумный глоток. В динамике ее телефона этот звук взрывается оглушительным хрустом карамели. Он ежится, кутаясь в колючий шерстяной плед крупной вязки, протянутый между спинкой кровати и шатким столом на гнутых ножках, чтобы хоть немного отсечь ледяной сквозняк из разошедшихся рам со старыми пузатыми стеклами.

— У тебя там снег? — спрашивает Ева, хотя интерфейс внизу экрана услужливо показывает плюс двадцать три градуса по Цельсию и влажность сорок процентов в Центральном парке. — Снег был вчера, — улыбается Никита, показывая в камеру покрасневший кончик носа. На заднем плане беззвучно матерится беззубый рот их кота Степана, требующего утренний влажный корм. — Остались только грязные сугробы во дворе-колодце, похожие на застывшую вулканическую породу. Сосед дядя Миша уже развесил свои ковры прямо напротив моего окна, теперь моя комната выглядит как восточный базар или караван-сарай. Солнце сегодня бьет прямо в левый глаз, пришлось повесить на нитку старую газету «Санкт-Петербургские ведомости» вместо шторы. Зато тепло бесплатно греет комнату.

Контраст их миров больше не вызывает у них ни зависти,

ни снисходительной жалости. За полгода этого ежедневного ритуала они изучили географию одиночества друг друга лучше, чем собственные улицы. Ее роскошь — это бескрайний океан прозрачного кондиционированного воздуха, в котором невозможно согреться человеческим дыханием. Его бедность — это нагромождение старых стен, которые давят историей, но надежно держат тепло человеческих жизней.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.